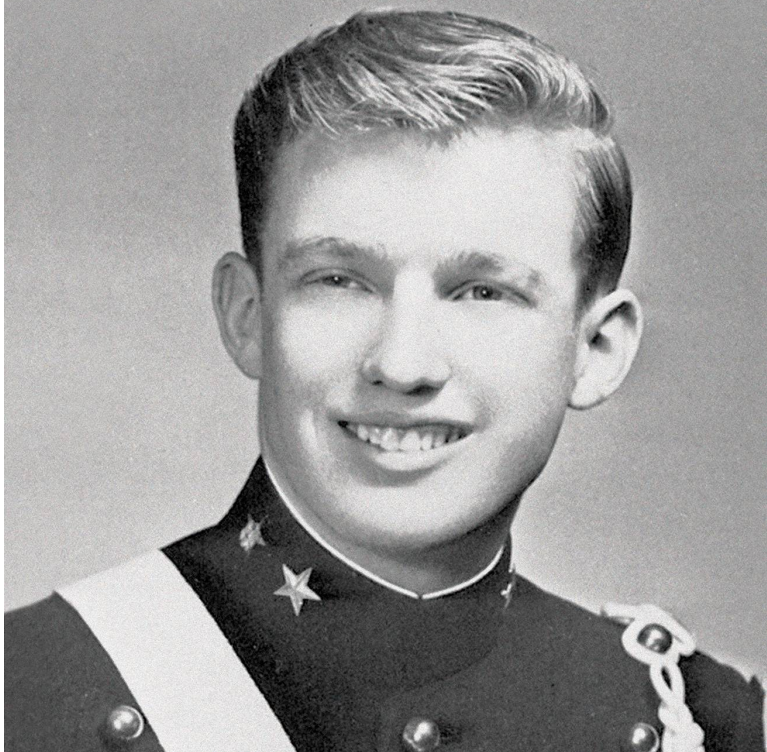

МЭРИ Л.

ТРАМП

СЛИШКОМ МНОГО
И ВСЕГДА НЕДОСТАТОЧНО

Мэри Л. Трамп
Слишком много и
всегда недостаточно
Серия «Психологический
бестселлер (Эксмо)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62791367

Слишком много и всегда недостаточно: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-117252-7

Аннотация

Летом 1960 года в офисе Trump Management появился наследник строительной империи Фреда Трампа. Вместе с отцом он участвовал во всех значимых проектах, ходил на заседания Демократической партии и посещал благотворительные приемы. Там он учился вести бизнес и заводить важные знакомства. Но это был не Дональд. Это был старший сын, Фредди, названный в честь отца.

Дональда глава семейства не замечал и не делал на него ставок. Но прошло несколько лет, и память о первенце стерлась из истории фирмы, а его место занял тот, кого мы знаем сейчас как президента США. Дональд смог доказать отцу, что именно он достоин быть первым не только в семье, но и во всем мире.

Что произошло в семье Трампов? Об этом рассказывает Мэри Трамп, племянница Дональда и дочь потерпевшего поражение Фредди.

Содержание

От автора	7
Пролог	9
Часть первая	38
Глава 1	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Мэри Л. Трамп

Слишком много и всегда недостаточно

MARY L. TRUMP

Too Much and Never Enough:

How My Family Created the World's Most Dangerous Man

Copyright © 2020 by Compson Enterprises LLC.

All rights reserved, including the right to reproduce this book or portions thereof in any form whatsoever.

First Simon & Schuster hardcover edition July 2020

© 2020 by Compson Enterprises LLC

© Богданов С., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Моей дочери, Эвери, и моему папе

*Когда душа полна мрака, в ней зреет грех.
Виновен не тот, кто грешит, а тот, кто*

порождает мрак.

– Виктор Гюго, «Отверженные»

От автора

Большая часть этой книги основана на моих собственных воспоминаниях. Описывая события, при которых я не присутствовала, я опиралась на разговоры и интервью (многие из них происходили под запись) с членами моей семьи, друзьями семьи, соседями и коллегами. Диалоги воссозданы в соответствии с моими воспоминаниями и рассказами других людей. Что касается диалогов, то моим намерением было передать суть разговора, а не предоставить стенографический отчет. Я также опиралась на официальные документы, банковские выписки, налоговые декларации, личные дневники, семейные архивы, письма, электронную переписку, текстовые сообщения, фотографии и прочие документальные свидетельства.

Общие сведения я почерпнула из *New York Times* (в частности, из статьи-расследования Дэвида Барстоу, Сюзанны Крэйг и Расса Бюттнера от 2 октября 2018 года); *Washington Post*; *Vanity Fair*; *Politico*; с сайта *TWA Museum* и из книги «Сила позитивного мышления» Нормана Винсента Пила. За предоставленную информацию по *Steeplechase Park* я признательна сайту *Coney Island History Project*, еженедельнику *Brooklyn Paper* и статье Даны Шульц от 14 мая 2018 года на сайте *bsqft.com*. Отдельное спасибо Дэну П. Макадамсу за его анализ «эпизодического человека». За данные о биз-

несе Трампов и их подозрительных махинациях я благодарна: журналистской работе Уэйна Барретта (ныне покойного), Дэвида Корна, Майкла Д'Антонио, Дэвида Кэя Джонстона, Тима О'Брайена, Чарльза П. Пирса и Адама Серуэра. Спасибо также Гвенде Блэр, Майклу Крэнишу и Марку Фишеру – правда, когда мой папа умер, ему было сорок два, а не сорок три года.

Пролог

Мне всегда нравилась моя фамилия. В 1970-х, когда я ребенком проводила лето в морском лагере, все звали меня по фамилии – Трамп. Она была источником гордости, не потому что ассоциировалась с властью и недвижимостью (в те годы за пределами Бруклина и Куинса о моей семье никто не знал), но мне, крутой и смелой шестилетке, импонировало то, как она звучала¹. В 1980-х, когда я была студенткой, а мой дядя Дональд начал называть в свою честь все построенные им здания на Манхэттене, чувства, связанные с моей фамилией, стали более сложными.

Тридцать лет спустя, 4 апреля 2017 года, я ехала в тихом вагоне поезда *Amtrak*, следующего в Вашингтон, чтобы присутствовать на семейном ужине в Белом доме. Десятью днями ранее я получила электронное письмо с приглашением на праздник в честь 80-летия моей тети Мэриэнн и 75-летия другой моей тети, Элизабет. Их младший брат Дональд с января занимал Овальный кабинет.

Проходя под сводчатыми потолками вашингтонского вокзала Юнион-Стейшн, я поравнялась с торговцем, установившим на черно-белом мраморном полу свой стенд со значками: моя фамилия в перечеркнутом красном круге – «Депор-

¹ *Trump* (англ.) – «козырь». – Прим. пер.

тировать Трампа», «Трампа на свалку» и «Трамп – чертово отродье». Я надела темные очки и ускорила шаг.

Я взяла такси до гостиницы *Trump International*, которая на одну ночь предоставила членам моей семьи бесплатные номера. Зарегистрировавшись, я прошла через атриум и посмотрела на стеклянный потолок и голубое небо над ним. Сверху лился мягкий свет трехъярусных хрустальных люстр, свисающих с центрального луча сложной арочной конструкции. С одной стороны небольшими группами были расставлены кресла, канапе и диваны – цвета слоновой кости, темно-синего и бледно-голубого; а с другой – столы и стулья большого бара, где позднее у меня была запланирована встреча с братом. Я ожидала, что гостиница будет пошлой и помпезной. Но это оказалось не так.

Моя комната тоже была не лишена вкуса. Но моей фамилией было облеплено все вокруг: шампунь Трампа, кондиционер Трампа, шлепанцы Трампа, шапочка для душа Трампа, крем для обуви Трампа, набор для шитья Трампа и банный халат Трампа. Я открыла холодильник, схватила маленькую бутылочку белого вина Трампа и опрокинула ее в свое горло (трамповское) с тем, чтобы оно могло начать свое путешествие по моей (трамповской) кровеносной системе и угодить в центр удовольствия моего мозга (понятно, тоже трамповского).

Через час я встретила своего брата, Фредерика Крайста Трампа III, которого я с самого детства называла Фрицем,

и его жену, Лиз. Вскоре к нам присоединились и остальные участники нашей вечеринки: тетя Мэриэнн, самая старшая из пяти детей Фреда и Мэри Трамп, уважаемая судья федерального апелляционного суда; дядя Роберт, их самый младший брат (в течение непродолжительного времени он был одним из наемных работников Дональда в Атлантик-Сити, откуда со скандалом ушел в начале 1990-х), и его девушка; тетя Элизабет, средний ребенок Трампов, со своим мужем Джимом; мой кузен Дэвид Дэзмонд (единственный ребенок Мэриэнн и старший внук Трампов) со своей женой; и несколько близких друзей моих тетушек. Единственный потомок Трампов, отсутствующий на этом празднике, – это мой отец, Фредерик Крайст Трамп-младший, старший сын, которого все звали Фредди. Больше тридцати пяти лет назад он умер.

Собравшись наконец вместе, мы дали знать об этом находившимся снаружи агентам Секретной службы, ответственным за охрану Белого дома, а затем кое-как загрузились в два микроавтобуса Белого дома, словно юношеская команда по лакроссу. У некоторых пожилых гостей возникли сложности с преодолением ступенек. Всем было не слишком удобно тесниться на многоместных нераздельных сиденьях. Интересно, почему Белый дом не подумал о том, чтобы прислать хотя бы один лимузин для моих пожилых тетушек?

Когда десять минут спустя мы подъехали к Южной лужайке Белого дома, два агента вышли из будки охраны, что-

бы осмотреть днище микроавтобуса прежде, чем мы въехали в ворота. Проехав еще немного, мы остановились у небольшого здания службы безопасности, примыкающего к восточному крылу, и выгрузились. Мы входили внутрь по одному, когда выкликали наши имена, передавали для досмотра телефоны и сумки и проходили через металлодетектор.

Оказавшись в Белом доме, мы парами и тройками шли по длинным коридорам, мимо окон, выходящих в сады и на лужайки, мимо портретов бывших первых леди, выполненных в полный рост. Я остановилась перед портретом Хиллари Клинтон и с минуту простояла в молчании. И снова задалась вопросом, как это могло случиться?

У меня никогда не было ни малейших оснований представлять себя гостьей Белого дома, и уж точно не при подобных обстоятельствах. Все это просто в голове не укладывалось. Я огляделась. Белый дом был изысканным, роскошным и величественным, и сейчас я (впервые за последние восемь лет) встречу со своим дядей, человеком, который здесь живет.

Из полумрака коридора мы вышли в крытую галерею, окружающую Розовый сад, и остановились перед Овальным кабинетом. Через французские окна мне было видно, что там все еще продолжается совещание. Вице-президент Майк Пенс стоял поодаль, но спикер Палаты представителей Конгресса США Пол Райан, сенатор Чак Шумер и с десятков других конгрессменов и сотрудников аппарата собрались вокруг

Дональда, который сидел за столом «Резолют».

Эта живописная сцена напомнила мне одну из тактик моего дедушки: он всегда вынуждал своих просителей приходить к нему либо в его бруклинский офис, либо в его дом в Куинсе, и оставался сидеть в то время, как они стояли. Поздней осенью 1985 года, через год после того, как я ушла в академический отпуск из Университета Тафтса, я встала перед ним и спросила его разрешения вернуться в колледж. Он посмотрел на меня и сказал: «Это чушь. Зачем тебе это? Просто отправляйся в училище, получишь профессию, станешь секретаршей работать».

«Но я хочу получить высшее образование». Должно быть, в моем голосе прозвучало раздражение, потому что глаза моего деда сузились, и он с минуту оценивающе на меня смотрел. Уголок его рта приподнялся в презрительной ухмылке, и он рассмеялся. «Просто прекрасно», – сказал он.

Через несколько минут встреча завершилась.

Овальная кабинета была одновременно и меньше размером, и менее уютным, чем я себе представляла. Мой кузен Эрик и его жена Лара, которую я никогда прежде не встречала, стояли прямо у двери, так что я сказала: «Привет, Эрик. Это я, твоя кузина Мэри».

«Конечно, я знаю, кто вы», – ответил он.

«Ну, давно не виделись, – сказала я. – Думаю, последний раз это было, когда ты еще учился в старших классах».

Он пожал плечами и произнес: «Возможно и так». Он ото-

шел с Ларой, даже не представив нас друг другу. Я оглянулась. Прибыли Мелания, Иванка, Джаред и Донни и встали рядом с Дональдом, который остался сидеть. Майк Пенс с застывшей улыбкой на лице по-прежнему оставался на другом конце комнаты, как дуэнья, которую все стараются избегать.

Я пристально на него посмотрела, пытаясь поймать его взгляд, но он в мою сторону так и не взглянул.

«Извините, пожалуйста, – бодрым голосом возвестила фотограф Белого дома, миниатюрная молодая женщина в темном брючном костюме. – Давайте соберемся все вместе, чтобы я могла сделать несколько фотографий, прежде чем мы пойдем наверх». Она проинструктировала нас обступить Дональда, который все еще не поднялся из-за стола.

Фотограф навела камеру. «Раз, два, три, улыбнулись», – сказала она.

После того как с фотографированием было покончено, Дональд встал и указал на черно-белую фотографию моего деда, стоявшую рядом на столике. «Мэриэнн, разве не отличный портрет папы?» Это была та же самая фотография, которая стояла на приставном столике в библиотеке дома бабушки и дедушки. Дедушка на ней был все еще молодым, усатым, с редющими темными волосами и властным видом, который на моем веку ни разу ему не изменял до тех пор, пока его не сразила деменция. Мы все видели фото тысячу раз.

«Может, тебе стоит поставить здесь и мамин портрет тоже?» – предложила Мэриэнн.

«Отличная идея, — сказал Дональд, как будто ему никогда это и в голову не приходило. — Кто-нибудь достаньте мне фотографию мамы».

Мы провели в Овальном кабинете еще несколько минут, по очереди садясь за стол «Резолют». Мой брат сфотографировал меня, и когда я смотрела на этот снимок позднее, то заметила, что сзади, как призрак, парит мой дед.

На выходе из Овального кабинета к нам присоединился историк Белого дома, и мы перешли к экскурсии по расположенной на втором этаже Резиденции президента, за которой должен был последовать обед. Наверху мы посетили спальню Линкольна. Я ненадолго заглянула внутрь и была удивлена, увидев на прикроватном столике надкусанное яблоко. Пока историк рассказывал нам о том, что происходило в комнате за прошедшие годы, Дональд время от времени неопределенно на что-то указывал, а потом объявил: «Это место еще никогда не выглядело так хорошо с тех пор, как здесь жил Джордж Вашингтон». Историк был слишком вежлив, чтобы обратить его внимание на то, что здание было построено уже после смерти Вашингтона. Группа переместилась дальше по коридору — к Залу договора и Президентской столовой.

Дональд стоял в дверном проеме, приветствуя входящих. Я появилась одной из последних. И еще не успела сказать «привет», когда он меня увидел и с удивленным выражением лица указал на меня со словами: «Я ведь специально по-

просил, чтобы ты непременно была». Он так всегда говорит, чтобы очаровывать людей, и у него есть врожденная способность подгонять свои высказывания под обстоятельства, что тем более впечатлило, потому что я знала, что это неправда. Он протянул мне навстречу руки и обнял меня – впервые на моей памяти.

Первое, что я заметила в Президентской столовой, была ее красота: темное дерево, отполированное до совершенства, изумительные столовые приборы и карточки с именами гостей, заполненные каллиграфическим почерком, и меню (салат айсберг, картофельное пюре – основные блюда семьи Трампов – и филе из мраморной говядины вагю). Второе, на что я обратила внимание, когда села за стол, – это распределение мест. В моей семье всегда можно было определить, чего ты стоишь, по месту, где ты сидишь, но я не имела ничего против: все люди, с которыми я чувствовала себя комфортно – мой брат с женой, падчерица Мэриэнн со своим мужем, – сидели рядом со мной.

Каждый официант нес бутылку красного вина и бутылку белого. Настоящего, а не имени Трампа. Это было неожиданно. За всю мою жизнь на семейных торжествах никакого алкоголя никогда не было. В доме дедушки и бабушки подавали только кока-колу и яблочный сок.

В середине обеда в столовую вошел Джаред. «Ой, посмотрите-ка, – хлопая в ладоши, воскликнула Иванка, – Джаред вернулся из поездки по Ближнему Востоку». Как будто мы

только что не видели его в Овальном кабинете. Он подошел к своей жене, поцеловал ее в щеку, затем наклонился к Дональду, который сидел рядом с Иванкой. Они тихо несколько минут разговаривали. А затем Джаред ушел. Больше он не поприветствовал никого, даже моих тетюшек. Когда он выходил за порог, Донни вскочил со стула и как восторженный щенок потрусил за ним.

Как только подали десерт, встал Роберт с бокалом в руке. «Большая честь находиться здесь с президентом Соединенных Штатов, – сказал он. – Благодарю вас, господин президент, за то, что позволили нам быть здесь, чтобы отпраздновать дни рождения наших сестер».

Я вспомнила последний раз, когда семья отмечала День отца в *Peter Luger Steak House* в Бруклине. Тогда, как и сейчас, Дональд и Роб сидели рядом друг с другом, а я – прямо напротив них. Без всяких объяснений Дональд обернулся к Робу и сказал: «Смотри». Он оскалился и указал на свой рот.

«Что?» – спросил Роб.

На что Дональд просто еще дальше оттянул свои губы и стал указывать более настойчиво.

Роб начал заметно нервничать. Я не имела ни малейшего представления о том, что происходит, но с интересом за ними наблюдала, потягивая свою колу.

«Посмотри! – сквозь сжатые зубы произнес Дональд. – Ну как?»

«Что ты имеешь в виду?» – Роб пребывал в откровенном замешательстве. Он осмотрелся, чтобы убедиться в том, что никто на него не смотрит, и прошептал: «У меня в зубах что-то застряло?» Миски шпината со сливками, расставленные на столе, определенно такую возможность предполагали.

Дональд расслабил рот и перестал на него указывать. Прерывательное выражение его лица подытоживало всю историю их взаимоотношений. «Я отбелил зубы. Как тебе?» – спросил он сухо.

После выступления Роба Дональд выстрелил в него таким же пренебрежительным взглядом, какой я видела в *Peter Luger Steak House* почти двадцать лет назад. Затем со стаканом диетической колы в руке Дональд выдал несколько казенных фраз по поводу дней рождения тетюшек, после чего сделал жест в сторону своей невестки. «Вот Лара, – сказал он. – Я практически даже не знал, что это за баба, ну честно, но тут она толкнула шикарную речь в мою поддержку во время избирательной кампании в Джорджии». К тому времени Лара и Эрик были вместе почти восемь лет, так что, предположительно, Дональд как минимум видел ее на их свадьбе. Но прозвучало это так, как будто он не знал, кто она такая, до тех пор, пока она на предвыборном митинге лестно о нем не отозвалась. Как это обычно бывало с Дональдом, байки значили больше, чем правда, которой он легко жертвовал, особенно если ложь делала рассказ более занимательным.

Когда настал черед Мэриэнн, она произнесла: «Я хочу поблагодарить вас за то, что вы совершили это путешествие, чтобы отпраздновать наши дни рождения. Мы прошли долгий путь с того вечера, когда Фредди вывалил миску картофельного пюре на голову Дональда, потому что он был таким сорванцом». Все, кто был знаком с этой легендарной историей, рассмеялись – все, кроме Дональда, который слушал с хмурым видом, скрестив на груди руки со сжатыми кулаками, как он делал всякий раз, когда Мэриэнн упоминала об этом случае. Это расстраивало его, как будто он до сих пор был тем семилетним мальчиком. Было очевидно, что это давнее унижение и по сей день его жгло.

Неожиданно мой кузен Донни, вернувшийся с «охоты на Джареда», встал, чтобы произнести речь. Вместо того чтобы сказать тост в честь тетюшек, он выдал что-то в духе предвыборной кампании: «В ноябре прошлого года американский народ увидел нечто особенное и проголосовал за президента, который, как они были убеждены, хорошо их понимает. Они увидели, что это за великолепная семья, и приобщились к нашим ценностям». Я посмотрела на своего брата и закатила глаза.

Я сделала знак одному из официантов. «Можно мне еще вина?» – попросила я.

Он быстро вернулся с двумя бутылками и спросил, какое вино я предпочитаю: красное или белое.

«Да, пожалуйста», – я кивнула и сделала выбор.

Как только с десертом было покончено, все встали. Прошло всего лишь два часа с тех пор, как мы вошли в Овальный кабинет, но обед закончился, и настало время уходить. В целом мы провели в два раза больше времени в Белом доме, чем обычно в доме бабушки и дедушки на День благодарения или Рождество, но все же меньше, чем Дональд провел с Кидом Роком, Сарой Пэйлин и Тедом Ньюджентом² две недели спустя.

Кто-то предложил, чтобы каждый из нас сфотографировался с Дональдом (а вовсе не с виновницами торжества). Когда пришла моя очередь, Дональд улыбнулся на камеру и поднял два больших пальца, но за его улыбкой я не могла не заметить утомление. Казалось, что поддержание развеселого фасада не дается ему легко.

«Не позволяй им себя нагибать», – сказала я ему, пока мой брат нас фотографировал. Вскоре после этого первый советник Дональда по национальной безопасности был с позором уволен, и его президентство уже начало покрываться заметными трещинами.

Дональд выпятил подбородок, крепко сжал зубы и на минуту стал похож на призрак моей бабушки. «Им меня не сломить», – сказал он.

² Кид Рок (*Kid Rock*), Тед Ньюджент (*Ted Nugent*) – американские рок-звезды; Сара Пэйлин (*Sarah Palin*) – американская политическая деятельница, экс-губернатор штата Аляска. – *Прим. пер.*

Когда 16 июня 2015 года Дональд объявил о том, что собирается баллотироваться на пост президента, я не отнеслась к этому серьезно. Не думаю, что и сам Дональд воспринимал это всерьез. Он всего лишь хотел получить бесплатную рекламу своего бренда. Он и раньше так делал. Но желание победить выросло вместе с рейтингами и, возможно, на фоне молчаливых заверений российского президента Владимира Путина в том, что Россия сделает все возможное, чтобы склонить чашу весов в его пользу. «Он – клоун, – сказала тогда моя тетя Мэриэнн во время одной из наших встреч за ланчем. – Этого не будет никогда».

Я согласилась.

Мы поговорили о том, что репутация заходящей звезды реалити-шоу и неудачливого бизнесмена заранее обрекает его кандидатуру на поражение. «Неужели кто-то вообще верит всей этой чуши собачьей о том, что он – человек, который всего добился сам? Он хоть раз достиг чего-нибудь самостоятельно?» – спросила я.

«Ну, – максимально сухо ответила Мэриэнн, – пять банкротств у него все же было».

Когда Дональд взялся за тему опиоидного кризиса и, чтобы показать себя истинным борцом с зависимостями, стал использовать пример с алкоголизмом моего отца, мы обе очень разозлились.

«Он использует память твоего отца в своих политических целях, – сказала Мэриэнн, – а это – грех, особенно с учетом

того, что именно Фредди должен был стать старшим в семье».

Мы считали, что явный расизм его предвыборной программной речи послужит причиной его провала, но наши иллюзии развеялись, когда Джерри Фолуэлл-младший и другие белые проповедники-фундаменталисты начали оказывать ему поддержку. Мэриэнн, глубоко верующая католичка с момента своего обращения пятьдесят лет назад, пришла в ярость. «Какого черта с ними происходит? – возмущалась она. – Единственный раз, когда Дональд отправился в церковь, – это когда там были фотографии. Уму непостижимо. У него нет никаких принципов. Абсолютно никаких!»

Ничего из того, что Дональд говорил во время своей избирательной кампании, – начиная с его оскорблений в адрес госсекретаря Хиллари Клинтон (пожалуй, самого подготовленного кандидата на пост президента в истории нашей страны), которую он называл «мерзавкой», и кончая насмешками над Сержем Ковалески, журналистом-инвалидом из *New York Times*, – нисколько меня не удивляло. На самом деле все это напоминало наши семейные обеды, на которых я присутствовала: Дональд рассказывал о всех тех женщинах, которых он считал безобразными жирными неряхами, или о мужчинах (обычно более блестящих или влиятельных), которых он называл неудачниками, а мой дед, и Мэриэнн, и Элизабет, и Роберт – все они смеялись и поддерживали его. Такое беззаботное расчеловечивание людей было обычным делом за

обеденным столом Трампов. Что действительно меня удивляло – почему это до сих пор сходит ему с рук.

Затем он был номинирован кандидатом в президенты. Те вещи, которые, по моему мнению, должны были его дисквалифицировать, казалось, лишь повышали его популярность среди электората. Я все еще не беспокоилась – я была совершенно уверена в том, что его не выберут никогда, но мысль о том, что есть такой шанс, приводила меня в замешательство.

В конце лета 2016 года я решила высказаться, почему Дональд совершенно не готов занять президентский пост. К этому времени он смог выйти целым и невредимым (по результатам Национального съезда Республиканской партии) из ситуации, которая возникла после своего призыва к «людям Второй поправки» остановить Хиллари Клинтон. Даже его атака на Хизра и Газалу Хан, родителей кавалера Золотой Звезды, погибшего в Ираке капитана армии США Хумаюна Хана, казалось, осталась без должного внимания. Когда большинство опрошенных республиканцев все еще поддерживали его после обнародования записи его разговора с ведущим передачи *Access Hollywood*, я знала, что приняла верное решение.

Я начала мысленно прокручивать всю историю своей семьи и центральную роль в ней Дональда, которую он играл с размахом. Дональд (как в свое время и мой отец) боролся за первенство упорно, и в то же время ему все постоян-

но сходило с рук – и даже вознаграждалось – крайне неучтливое, безответственное и недостойное поведение. *Невозможно, чтобы это повторилось снова*, подумала я. Но именно так и произошло.

Пресса не замечала того, что ни один из членов семьи Дональда, кроме его детей, зятя и нынешней жены, на протяжении всей кампании не сказали ни слова в его поддержку. Мэриэнн говорила, что ей повезло, потому что, будучи федеральным судьей, она обязана соблюдать объективность. Как сестра и профессионал, она могла бы стать единственным человеком в стране, мнение которого о полной непригодности Дональда для этой должности было бы способно переломить складывающуюся ситуацию. Но у нее в шкафу были свои скелеты, и я была не особенно удивлена, когда после выборов она сказала мне, что голосовала за своего брата из «преданности семье».

Детство, проведенное в семье Трампов, особенно для дочери Фредди, создавало некоторые сложности. В определенном смысле мне невероятно повезло. Я посещала лучшие частные школы и большую часть жизни получала первоклассное обслуживание по медицинской страховке. Однако было также и врожденное ощущение собственной ограниченности, присущее нам всем, кроме Дональда. После смерти деда в 1999 году я узнала, что наследники по линии моего отца были удалены из завещания, как если бы старший сын Фреда Трампа вообще никогда не существовал, и впо-

следствии мы судились. В конечном итоге я пришла к выводу, что, если бы я публично высказалась о своем дяде, меня бы обрисовали как недовольную, лишенную наследства племянницу, стремящуюся к наживе или сведению счетов.

Для того чтобы понять, что подвело Дональда – и всех нас – к этой черте, нужно начать с деда и его собственной потребности в признании, которая побуждала его поощрять безрассудную гиперболизацию и неоправданную самоуверенность Дональда, скрывавшие под собой его патологические слабости и чувство незащищенности.

Взрослея, Дональд был вынужден превратиться в болельщика самого себя: сперва – потому что его отец верил, что он лучше и увереннее Фредди; затем – потому что Фред от него этого потребовал; и, наконец, потому что он поверил в собственную популярность, даже при том, что парадоксальным образом очень глубоко внутри себя подозревал, что больше в нее никто не верит. К моменту выборов любые вызовы своему чувству превосходства Дональд встречал с возмущением, настолько успешно скрыв свои страхи и слабости, что ему не нужно было даже признавать, что они существуют. И он никогда этого не делал.

В 1970-х, после того как мой дед уже в течение ряда лет предпочитал и продвигал Дональда, СМИ Нью-Йорка приняли эстафету и начали поднимать вокруг него ничем не подкрепленную пиар-шумиху. В 1980-х к ним присоеди-

нились банки, финансировавшие его предпринимательские инициативы. В надежде возместить свои убытки они были готовы (а впоследствии вынуждены) нянчиться с его все более необоснованными заявками на успех. После провального десятилетия, в ходе которого Дональд то погружался в пучину банкротств, то выступал рекламным щитом череды неудачных товаров в диапазоне от стейков до водки, телевизионный продюсер Марк Бёрнетт³ дал ему еще один шанс. Реалити-шоу «Кандидат»⁴ сыграло на образе Дональда как дерзкого, обязанного всем только себе воротиле, – мифе, который пятьдесят лет назад был сотворен моим дедом и поразительным образом (учитывая огромное количество свидетельств, опровергающих его) дожил до нового тысячелетия, почти совершенно не изменившись. К тому моменту, когда в 2015 году Дональд объявил о намерении баллотироваться от Республиканской партии, значительный процент населения Америки готов был верить в этот миф.

И по сей день ложь, полуправда и подтасовки фактов, совокупность которых представляет собой мой дядя, поддерживаются Республиканской партией и белыми христиана-

³ Марк Бёрнетт (*Mark Burnett*, р. 1960) – продюсер телешоу «Кандидат». – *Прим. пер.*

⁴ «Кандидат» (*The Apprentice*) – реалити-шоу, выходившее в 2004–2017 годах на канале NBC (Дональд Трамп был ведущим шоу на протяжении 14 сезонов. В первый год показа ему платили по 50 тысяч долларов за серию (около 700 долларов за сезон), начиная со второго сезона – 3 миллиона долларов за серию). – *Прим. ред.*

ми фундаментального толка. В этой поддержке, вольно или невольно, оказались замешаны и те, кто все понимает, вроде лидера большинства в Сенате Конгресса Митча Макконнелла, и ортодоксы вроде лидера меньшинства Палаты представителей Кевина Маккарти, госсекретаря Майка Помпео и генерального прокурора Уильяма Барра, и очень многие другие, которых невозможно перечислить здесь поименно.

Ни для кого из братьев и сестер в семье Трампов не прошли бесследно социопатия моего деда и недуги (как физические, так и психологические) бабушки, но мой дядя Дональд и мой отец Фредди пострадали больше остальных. Для того чтобы получить полную картину психопатологий Дональда и добраться до сути его дисфункционального поведения, нам потребуется детальная история семьи.

За последние три года я наблюдала, как бесчисленное количество экспертов, психологов-теоретиков и журналистов постоянно попадают в цель, оперируя фразами типа «злокачественный нарциссизм» и «нарциссическое расстройство личности» в попытке объяснить часто экстравагантное и нерациональное поведение Дональда. Я совершенно уверена, что Дональд страдает нарциссизмом – он отвечает всем девяти критериям, изложенным в Диагностическом и статистическом руководстве по психическим расстройствам (DSM-5), – но это еще далеко не все.

Я получила докторскую степень в области клинической психологии в Институте перспективных психологических

исследований имени Гордона Дернера, и, собирая материал для диссертации, проработала год в приемном отделении государственного Манхэттенского психиатрического центра, где занималась диагностикой, наблюдением и лечением наиболее тяжелых и запущенных пациентов. В течение ряда лет в качестве адъюнкт-профессора я преподавала аспирантам психологию, включая спецкурсы по травмам, психопатологии и психологии развития, а кроме этого консультировала и обследовала пациентов центра оказания бесплатной помощи наркозависимым и алкоголикам.

Практический опыт раз за разом убеждал меня в том, что диагноз не существует в безвоздушном пространстве. Есть ли у Дональда и другие симптомы, которые мы не замечаем? Существуют ли иные заболевания, настолько же или в еще большей степени всё проясняющие? Возможно. Можно найти доводы также и в пользу того, что он отвечает критериям антисоциального расстройства личности, которое в своей наиболее тяжелой форме обычно считается социопатией, но также может относиться к устойчивому преступному поведению, надменности и неуважению к правам других. Имеют ли место сопутствующие заболевания? Возможно. Дональд также может подпадать под критерии зависимого расстройства личности, отличительными признаками которого считаются неспособность к принятию решений и ответственности за свои поступки, дискомфорт от одиночества и чрезмерное стремление добиться поддержки других. Су-

ществуют ли и прочие требующие рассмотрения факторы? Безусловно. Вполне вероятно, у него может быть длительная история невыявленной неспособности к обучению, которая десятилетиями препятствовала его умению усваивать информацию. Говорят также, что он пьет по дюжине и больше бутылок диетической колы в день и очень мало спит. Говорит ли это о том, что он страдает от нарушения сна, вызванного употреблением психоактивных (в данном случае речь идет о кофеине) веществ? Он ужасно питается и не делает физических упражнений, что может указывать на (или усугублять) иные потенциальные заболевания.

В действительности патологии Дональда настолько сложны, а его поведение так часто бывает необъяснимым, что для постановки точного и исчерпывающего диагноза потребуется целый арсенал психологических и нейропсихологических тестов, пройти которые он никогда не согласится. В настоящее время мы не можем оценить его повседневное функционирование, потому что в Западном крыле Белого дома он фактически помещен в учреждение закрытого типа. По правде говоря, Дональд так живет большую часть своей взрослой жизни, так что у нас нет ни единого шанса узнать, насколько он был бы успешен или хотя бы выжил в реальном мире.

В 2017 году, под конец празднования дней рождения моих тетушек, я, стоя в очереди на фотографирование, замети-

ла, что Дональд уже тогда находился под давлением, которого прежде не испытывал никогда. Так как в течение последних трех лет оно лишь продолжало нарастать, разрыв между уровнем компетенций, необходимых для управления страной, и его непрофессионализмом только увеличивался, ярче, чем когда-либо прежде, обнажая его заблуждения.

Многие, но далеко не все из нас до сих пор были защищены от самых худших проявлений его патологий стабильной экономикой и отсутствием серьезных кризисов. Но вышедшая из-под контроля пандемия COVID-19, возможность экономической депрессии, углубление социальных разногласий по политическим мотивам, благодаря склонности Дональда к разделению, и разрушительная неуверенность в будущем нашей страны создают идеальный шторм, с которым никто не в состоянии справиться хуже, чем мой дядя. Для решения этих вопросов требуются храбрость, сила характера, почтительное отношение к экспертам и уверенность в себе, дающая возможность брать на себя ответственность и вносить поправки после признания собственных ошибок. Его способность контролировать неблагоприятные ситуации – при помощи лжи, пиара, умышленного введения в заблуждение – уменьшилась до состояния беспомощности в разгар трагедий, с которыми мы в настоящее время столкнулись. Его недопустимое и, по мнению некоторых, намеренно неправильное управление текущей катастрофой привело к уровню сопротивления и критики, с каким он ни-

когда прежде не сталкивался, усиливая его агрессивность и потребность в мелочном мщении, из-за чего он отказывает в предоставлении жизненно важного финансирования, средств индивидуальной защиты и аппаратов ИВЛ (оплаченных деньгами налогоплательщиков) тем штатам, чьи губернаторы не достаточно перед ним пресмыкаются.

В фильме 1994 года «Франкенштейн Мэри Шелли» по мотивам известного романа монстр Франкенштейна говорит: «Я знаю, что ради симпатии одного живого существа я примирюсь со всеми. Внутри меня такая любовь, подобную которой ты едва ли можешь себе представить, и ярость, в подобную которой ты не поверишь. Если я не удовлетворю одно, то ублажу другое». После обращения к этой цитате Чарльз П. Пирс писал в *Esquire*: «[Дональд] не изводит себя сомнениями по поводу того, что создает вокруг себя. Он гордится своим монстром, его гневом и производимыми им разрушениями, и, хотя он не может представить его любовь, всем сердцем верит в его ярость. Он – Франкенштейн, лишенный совести».

Это прозвучало бы еще точнее в отношении отца Дональда, Фреда, с одним существенным отличием: его собственный монстр – единственный ребенок, который был для него важен, – неизбежно становится недостойным любви в силу самой природы отцовского отношения к нему. В конце концов любви к Дональду и вовсе не будет, только одна испепеляющая жажда ее. Постоянно нарастающая ярость затмит

все остальное.

Когда Рона Графф, многолетняя личная помощница Дональда, прислала нам с дочерью приглашение на вечеринку в Нью-Йорке в ночь выборов, я отказалась. Я не смогла бы сдержать свой восторг, когда объявят о победе Клинтон, и я не хотела выглядеть невежливой. В 5:00 следующего утра, спустя пару часов после того, как был объявлен противоположный результат, я бродила по своему дому, потрясенная, как и многие другие, но в более личном плане: казалось, будто 62 979 636 избирателей приняли решение превратить нашу страну в макроверсию моей злокачественно дисфункциональной семьи.

В течение месяца с момента выборов я обнаружила, что с маниакальной частотой смотрю новости и проверяю твиттер, не в состоянии сосредоточиться на чем-то другом. Хотя ничего из того, что делал Дональд, меня не удивляло, но скорость и объем, с которыми он начал причинять ущерб стране своими худшими порывами – начиная со лжи о размере толпы на инаугурации и нытья по поводу того, как плохо к нему относились, и кончая свертыванием защиты окружающей среды, планированием атаки на Закон о защите пациентов и доступном здравоохранении (с целью лишить миллионы американцев доступной медицинской помощи) и введением его расистского запрета на въезд в страну всех мусульман, – меня ошеломили. Такая, казалось бы, мелочь –

видеть лицо Дональда и слышать свою собственную фамилию (правда, и то, и другое по десять раз на дню) – вернула меня назад в то время, когда мой отец увял и умер из-за жестокости и презрения моего деда. Я потеряла его, когда ему было всего лишь сорок два года, а мне шестнадцать. Ужас от бессердечия Дональда усиливался от того факта, что его действия теперь являются официальной политикой США, оказывая воздействие на миллионы людей.

Атмосфера раскола, которую в семье Трампов создал мой дед, является той средой, в которой Дональд чувствует себя как рыба в воде, и раскол до сих пор продолжает приносить ему дивиденды за счет других людей. Это изматывает страну так же, как уничтожило моего отца, и изменяет нас, хотя сам Дональд остается неизменным. Это ослабляет нашу способность проявлять доброту или верить в прощение – понятия, которые для него никогда не имели никакого смысла. Его администрацию и партию поглотила тактика эксплуатации недовольства и потакания необоснованным притязаниям. Хуже того, Дональд, который ничего не понимает в истории, конституционных принципах, геополитике, дипломатии (как, собственно, практически и во всем остальном) более того, ему никогда не было нужно демонстрировать подобные знания, оценивает стратегические альянсы нашей страны и все наши социальные программы исключительно через призму денег – именно так, как учил его отец. Издержки и выгоды государственного управления рас-

смаатриваются только в финансовом плане, как если бы Казначейство США было его личной копилкой. Для него каждый потраченный доллар является убытком, а каждый сэкономленный – доходом. В окружении непристойного изобилия один человек, используя все уровни власти и все имеющиеся в его распоряжении преимущества, будет извлекать выгоду для себя и (при определенных условиях) собственной семьи, ближайших дружков и приспешников; на остальных же просто всего не хватит. Именно так и управлял нашей семьей мой дед.

Необычайно то, что при всем внимании и освещении, которое в течение последних пятидесяти лет получала деятельность Дональда в СМИ, он никогда не был объектом тщательного изучения. Хотя недостатки его характера и аберрантное поведение комментируются и высмеиваются, не предпринималось практически никаких попыток понять не только то, как он стал тем, кем является, но и почему он постоянно выходит сухим из воды, невзирая на очевидное отсутствие нужных качеств.

В каком-то смысле Дональд всегда жил в учреждении закрытого типа, будучи защищенным от собственной ограниченности или необходимости самостоятельно преуспеть в этом мире. От него никогда не требовали честно работать и, независимо от того, насколько сильно он прокалывался, его совершенно непостижимым образом всегда вознаграждали. Его продолжают защищать от создаваемых им самим

бедствий и сейчас, в Белом доме, где подхалимствующие сторонники аплодируют каждому его официальному заявлению или покрывают возможную преступную халатность, нормализуя ее до такой степени, что мы становимся практически бесчувственными к накапливающемуся беззаконию. Но теперь ставки значительно выше, чем когда-либо прежде; на кону буквально жизнь или смерть. В отличие от любого прежнего этапа его жизни, провалы Дональда больше нельзя игнорировать или скрывать, потому что они угрожают всем нам.

Несмотря на то что мои тети и дяди будут думать иначе, я пишу эту книгу не из соображений наживы или из чувства мести. Если бы мной руководило одно из этих намерений, я бы написала книгу о нашей семье многими годами ранее, когда еще было невозможно предположить, что Дональд будет спекулировать своей репутацией серийного банкрота и неспособного ведущего реалити-шоу, чтобы совершить восхождение в Белый дом; когда это было бы безопаснее, потому что мой дядя еще не был в состоянии угрожать и ставить под удар своих разоблачителей и критиков. Однако события последних трех лет вынуждают меня действовать, и я больше не могу молчать. К моменту публикации этой книги жизни сотни тысяч американцев будут положены на алтарь высокомерия и сознательного невежества Дональда. Если же он обеспечит себе второй срок – это будет конец американской демократии.

Никто лучше его собственных родственников не знает, как он стал таким, какой есть. К несчастью, практически все они хранят молчание из верности или страха. Ни один из этих факторов не сдерживает меня. Наряду со свидетельствами из первых уст, которые я могу предоставить в качестве дочери своего отца и единственной племянницы своего дяди, я также обладаю профессиональным взглядом квалифицированного клинического психолога. «Слишком много и всегда недостаточно» — это история одной из самых заметных и могущественных семей в мире. И я являюсь единственным представителем Трампов, который желает ее рассказать.

Я надеюсь, что эта книга покончит с практикой ссылаться на «стратегию» или «повестку дня» Дональда, как будто он действует в соответствии хотя бы с какими-то организационными принципами. Он так не делает. Это Дональда было и остается хрупким и неуместным барьером между ним и реальным миром, в котором ему (благодаря деньгам и власти его отца) никогда не приходилось действовать самостоятельно. Дональду всегда было необходимо увековечивать фикцию, зачинателем которой был мой дед, о том, что он — сильный, умный и экстраординарный во всем остальном, потому что взглянуть правде в глаза (признать, что он ничем из этого не является) — для него слишком пугающе.

Дональд, следуя по стопам моего деда и при молчаливом участии и бездействии со стороны его братьев и сестер, уни-

чтожил моего отца. Я не могу позволить ему уничтожить мою страну.

Часть первая

Все дело в жестокости

Глава 1

Дом

«Папочка, мама вся в крови!»

Они жили в *Доме* (именно так все называли особняк моего дедушки и бабушки) меньше года, и он все еще казался непривычным, особенно среди ночи. Поэтому, когда двенадцатилетняя Мэриэнн увидела свою мать, лежащую без чувств в одной из ванных комнат наверху – не в родительской, а в их с сестрой, расположенной немного дальше по коридору, – она была совершенно ошарашена. Весь пол ванной был залит кровью. Ужас Мэриэнн был так велик, что она преодолела свое обычное нежелание беспокоить отца в его спальне и помчалась в другой конец дома, чтобы его разбудить.

Фред выбрался из кровати, быстро прошел по коридору и обнаружил свою жену в бессознательном состоянии. С Мэриэнн, следующей за ним по пятам, он бросился в свою спальню к телефонному аппарату, и заказал разговор.

К тому времени он был уже влиятельным человеком со

связями в больнице *Jamaica*, так что его немедленно соединили с кем-то, кто направил в Дом бригаду скорой помощи и обеспечил, чтобы по прибытии в отделение неотложной помощи их ожидали лучшие врачи. Фред как только мог объяснил происходящее человеку на другом конце провода. Мэриэнн слышала, как он несколько раз произнес «менструация», незнакомое слово, звучащее в исполнении отца очень странно.

Вскоре после того, как Мэри доставили в больницу, ей сделали экстренную гистерэктомию: врачи выявили серьезные послеродовые осложнения – все девять месяцев с момента рождения Роберта они протекали бессимптомно. Во время операции в брюшную полость занесли инфекцию, которая вызвала дальнейшие осложнения.

У телефонного столика в библиотеке (места, которое впоследствии станет для него привычным) Фред коротко переговорил с одним из врачей Мэри и, повесив трубку, поздравил к себе Мэриэнн.

«Они говорят, что твоя мать эту ночь не переживет», – сказал он дочери.

Чуть позднее, уезжая к жене в больницу, он произнес: «Завтра иди в школу. Если будут изменения, я тебе позволю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.